

ЗОЛОТОЕ СЛОВО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Около восьми веков назад, в 1187 году, было создано «Слово о полку Игореве» — гениальное произведение древней русской литературы. Протекшие столетия не приглушили его поэтического звучания и не стерли красок. Интерес к «Слову о полку Игореве» не только не уменьшился, но становится все более и более широким, все более и более глубоким.

Почему же так долговечно это произведение, столь небольшое по своим размерам? Почему идеи «Слова» продолжают волновать нас?

Любовь к родине вдохновляла автора «Слова о полку Игореве». Она как бы водила его пером. Она же сделала его произведение бессмертным — равно понятным и близким всем людям, подлинно любящим свою родину и свой народ.

«Слово о полку Игореве» проникнуто большим человеческим чувством — теплым, нежным и сильным чувством любви к родине. «Слово» буквально напоено им. Это чувство сказывается и в том душевном волнении, с которым автор «Слова» говорит о поражении войск Игоря, и в том, как он передает слова плача русских жен по убитым воинам, и в широкой картине русской природы, и в радости по поводу возвращения Игоря.

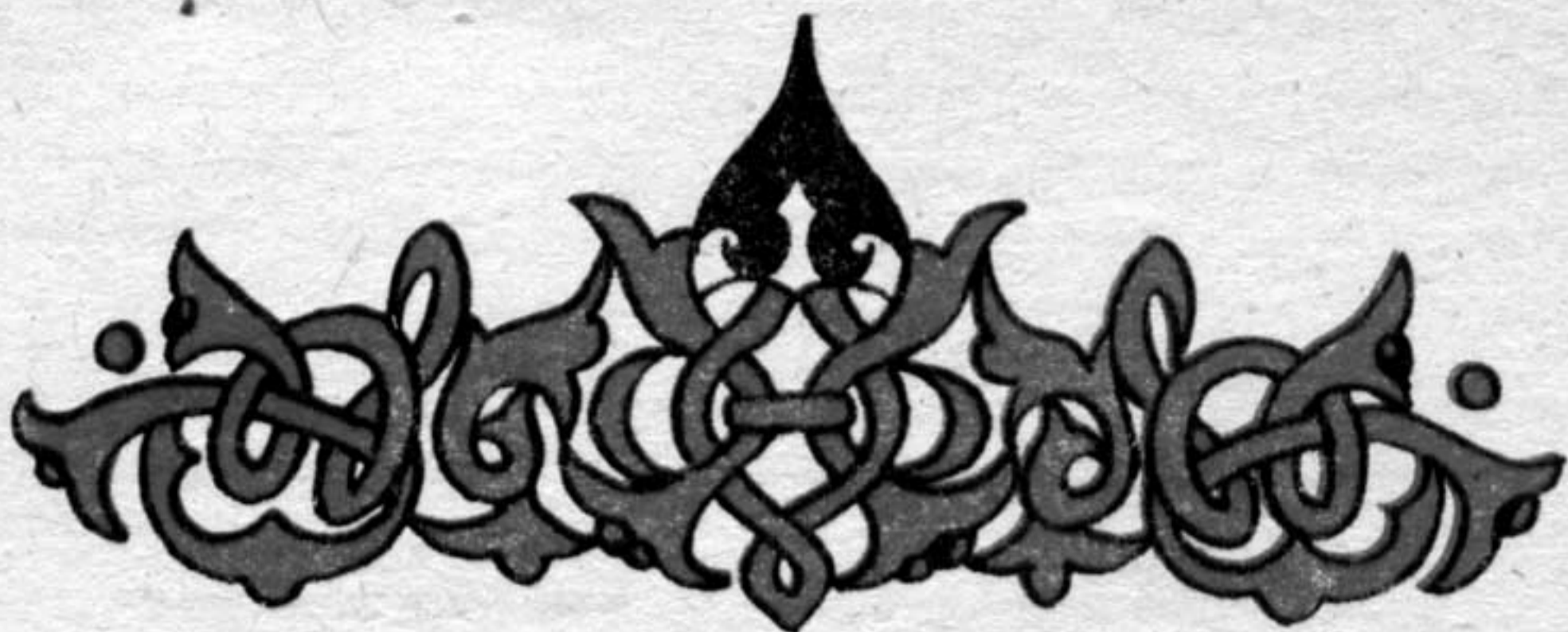
Вот почему значение «Слова» так безмерно возросло в нашу великую советскую эпоху, когда с необычайной силой проявились беззаветный патриотизм и единство советского народа. Вот почему оно находит такой горячий отклик в сердцах всех советских людей, беззаветно преданных своей родине. Призыв «Слова» к защите родины, к охране мирного труда ее народа звучит и сейчас с неослабеваемой силой.

Значение «Слова» особенно велико для нас еще и потому, что оно является живым и непререкаемым свидетельством высоты древнерусской культуры, ее самобытности и ее народности.

**СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА**

ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ

Н

е лѣпо ли ны бѣшетъ, братие,
начяти старыми словесы
трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ,
Игоря Святъславлича?

Начати же ся тѣмъ пѣсни
по былинамъ сего времени,
а не по замышлению Бояню.
Боянъ бо вѣщій,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашется мыслию по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.

Помняшетъ бо, рече,
първыхъ временъ усобицѣ.
Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй:
которыи дотечаше,
та преди пѣснь пояше —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскими,
красному Романови Святъславличю.
Боянъ же, братие, не 10 соколовъ
на стадо лебедѣй пушаше,
нъ своя вѣщиа прѣсты
на живая струны вѣскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, бѣратіе, повѣсть сию
отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря,
иже истягну умъ крѣпостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ;
наплънився ратнаго духа,
наведе своя храбрѣя плѣкы
на землю Половѣцькую
за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ
на свѣтлое солнце
и видѣ отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружинѣ своей:
«Братіе и дружино!
Луце жѣ бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братіе,
на свои брѣзѣя комони,
да позримъ
синего Дону».
Спаль князю умъ
похоти
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.
«Хощу бо, — рече, — копие приломити
конецъ поля Половецкаго;
съ вами, русици, хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомъ Дону».

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сѣя плѣкы ущекоталь,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игоревѣ,
того внуку:
«Не буря соколы занесе
черезъ поля широкая —
галици стады бѣжать
къ Дону великому».
Чи ли въспѣти было,
вѣщей Бояне,
Велесовъ внуче:
«Комони ржутъ за Сулою —
звенить слава въ Кыевѣ;
трубы трубятъ въ Новѣградѣ —
стоять стязи въ Путивлѣ!»

И

горь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему буй туръ Всеволодъ:
«Одинъ братъ,
одинъ свѣтъ свѣтлый —
ты, Игорю!
оба есвѣ Святъславличя!
Сѣдлай, брате,
свои брѣзыи комони,
а мои ти готови,
осѣдлани у Курьска напередѣ.
А мои ти куряни свѣдоми кѣмети:
подъ трубами повити,
подъ шеломы възлѣлѣяни.
конецъ копия въскрѣмлени,
пути имъ вѣдоми,
яругы имъ знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ,
ищучи себе чти, а князю славѣ».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремянь
и поѣха по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступаше;
нощь стонуши ему грозою птичь убуди;
свистъ звѣринъ вѣста,

збися дивъ —

кличеть врѣху древа,

велить послушати — земли незнаемъ,

Влѣзъ,

и Поморию,

и Посулию,

и Сурожу,

и Корсуню,

и тебѣ, Тьмутороканьскый блѣванъ!

А половци неготовами дорогами

побѣгоша къ Дону великому:

крычатъ тѣлѣгы полунощы,

рци, лебеди розпущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ!

Уже бо бѣды его пасеть птицъ

по дубию;

влѣци грозу въсрожатъ

по яругамъ;

орли клетомъ на кости звѣри зовутъ;

лисици брешутъ на чръленыя щиты.

О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!

Дльго ночь мръкнетъ.

Заря-свѣтъ запала,

мъгла поля покрыла.

Щекоть славий успе;

говоръ галичь убуди.

Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша,

ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ зараня въ пятокъ
 потопташа поганяя плъкы половецкыя,
 и рассушясь стрѣлами по полю,
 помчаша красныя дѣвки половецкыя,
 а съ ними злато,
 и паволокы,
 и драгыя оксамиты.

Орьтъмами,
 и япончицами,
 и кожухы
 начаша мосты мостити по болотомъ
 и грязивымъ мѣстомъ,
 и всякымы узорочьи половецкыми.

Чрълень стягъ,
 бѣла хорюговъ,
 чрълена чолка,
 сребрено стружие —
 храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.
 Далече залетѣло!

Не было оно обидѣ порождено,
 ни соколу,
 ни кречету,
 ни тебѣ, чръный воронъ,
 поганый половецкыи!

Гзакъ бежитъ сѣрымъ влъкомъ,
 Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
 кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;
 чръныя тучя съ моря идутъ,
 хотять прикрыти 4 солнца,
 а въ нихъ трепещутъ синии мльнии.
 Быти грому великому,
 Идти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
 Ту ся копиемъ приламатъ,
 ту ся саблямъ потручатъ
 о шеломы половецкыя,
 на рѣцѣ на Каялѣ,
 у Дону великаго!

О Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами
на храбрыя плѣкы Игоревы.

Земля тутнетъ,
рѣкы мутно текутъ,
пороси поля прикрывають,
стязи глаголютъ:
половци идутъ отъ Дона,
и отъ моря,
и отъ всѣхъ странъ Рускыя плѣкы оступиша.
Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Ярь туре Всеволодѣ!
Стоиши на борони,
прыщеши на вои стрѣлами,
гремлеши о шеломахъ мечи харалужными!
Камо, туръ, поскочяше,
своимъ златымъ шеломамъ посвѣчивая,
тамо лежать поганыя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шеломахъ оварьскыя,
отъ тебе, ярь туре Всеволоде!
Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота,
и града Чрънигова отня злата стола,
и своя милья хоти, красныя Глѣбовны
свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни,
минула лѣта Ярославля;
были плѣци Олговы,
Ольга Святѣславличя.
Тѣмъ бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрѣлы по земли сѣяше.
Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градъ Тьмутороканъ,
той же звонъ слыша давный великий Ярославъ,
а сынъ Всеволожъ, Владимиръ,
по вся утра уши закладаше въ Черниговъ.

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе
и на Канину зелену паполому постла
за обиду Олгову
храбра и млада князя.

Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣ яти отца своего
между угорьскими иноходьци
ко святѣй Софии къ Киеву.

Тогда, при Олзѣ Гориславличи,
сѣяшеться и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Дажьбожа внука;
въ княжихъ крамолахъ вѣци челоуѣкомъ скратишась.
Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нѣ часто врани граяхуть,
трупиа себѣ дѣляче,
а галици свою рѣчь говоряхуть,
хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы,
а сицей рати не слышано!

Съ зараниа до вечера,
съ вечера до свѣта
летять стрѣлы каленыя,
grimлють сабли о шеломы,
трещать копиа харалужныя
въ полѣ незнаемѣ,
среди земли Половецкыи.

Чръна земля подѣ копыты костьюи была посѣяна,
а кровию поल्याна:
тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано предѣ зорями?

Игорь плѣкы заворочаетъ:
жаль бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пирѣ докончаша храбрии русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.

Ничить трава жалощами,
а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година въстала,
уже пустыни силу прикрыла.

Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,
вступила дѣвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синѣмъ море у Дону;

плещучи, упуди жирня времена.
Усобица княземъ на поганья погыбе,
рекоста бо братъ брату:

«Се мое, а то мое же».

И начяша князи про малое

«се великое» мльвити,
а сами на себѣ крамолу ковати.

А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами
на землю Рускую.

О, далече, зайде соколъ, птицъ бья, — къ морю!

А Игорева храбраго плѣку не крѣсити!

За нимъ кликну Карна, и Жля

поскочи по Руской земли,

смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.

Жены руския въсплакашась, аркучи:

«Уже намъ своихъ милыхъ ладъ

ни мыслию смыслити,

ни думою сдумати,

ни очима съглядати,

а злата и сребра ни мало того потрепати».

А въстона бо, братие, Киевъ тугою,

а Черниговъ напастьми.

Тоска разлися по Руской земли;

печаль жирна тече средь земли Рускыи.

А князи сами на себе крамолу коваху,

а погании сами,

побѣдами нарищуше на Рускую землю,
емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, —

Игорь и Всеволодъ —

уже лжу убудиста которою,
ту бяше успиль отецъ ихъ —

Святъславъ грозный великий киевский —
грозою:

башеть притрепаль своими сильными плъкы

и харалужными мечи,

наступи на землю Половецкую,

притопта хлъми и яругы,

взмути рѣкы и озеры,

иссуши потоки и болота.

А поганаго Кобяка изъ луку моря,

отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ,

яко вихрь, выторже:

и падесея Кобякъ въ градъ Киевъ,

въ гриднищъ Святъславли.

Ту нѣмцы и венедици,

ту греци и морава

поють славу Святъславлю,

кають князя Игоря,

иже погрузи жиръ во днѣ Каялы — рѣкы половецкыя, —

рускаго злата насыпаша.

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,

а въ сѣдло кощиево.

Уныша бо градомъ забрали,

а веселие пониче.

Святъславъ мутень сонъ видѣ

въ Киевѣ на горахъ.

«Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, —

чръною паполомою

на кровати тисовѣ;

чръпахуть ми синее ино,

съ трудомъ смѣшено;

сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ

великий женчюгъ на лоно

и нѣгуютъ мя.

Уже дьскы безъ кнѣса
 в моемъ теремѣ златовръсѣмъ.
 Всю ночь съ вечера
 бусови врани възгряху у Плѣсньска,
 на болони бѣша дѣбрь Кияня
 и несошася къ синему морю».
 И ркоша бояре князю:
 «Уже, княже, туга умь полонила;
 се бо два сокола слѣтѣста
 съ отня стола злата
 поискати града Тьмутороканя,
 а любо испити шеломомъ Дону.
 Уже соколома крильца припѣшали
 поганыхъ саблями,
 а самаю опуташа
 въ путины желѣзны».

Темно бо бѣ въ 3 день:
 два солнца помѣркоста,
 оба багряная стлѣпа погасоста,
 и съ нима молодая мѣсяца —
 Олегъ и Святъславъ —
 тьмою ся поволокоста
 и въ морѣ погрузиста,
 и великое буйство подаста хинови.
 На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла —
 по Руской земли прострошася половци,
 акы пардуже гнѣздо.
 Уже снесеса хула на хвалу;
 уже тресну нужда на волю;
 уже връжеся дивь на землю.
 Се бо готьскыя красныя дѣвы
 въспѣша на брезѣ синему морю:
 звоня рускымъ златомъ,
 поють время Гусово,
 лелѣють мечь Шароканю.
 А мы уже, дружина, жадни веселия!
 Тогда великий Святъславъ
 изрони злато слово
 с слезами смѣшено
 и рече:
 «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!

Рано еста начала Половецкую землю
мечи цвѣлити,
а себѣ славы искати.

Нѣ нечестно одолѣсте,
нечестно бо кровь поганую пролиясте.

Ваю храбрая сердца
въ жестоцемъ харалузѣ скована
а въ буести закалена.

Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?

А уже не вижду власти

сильнаго,
и богатаго,
и многовая

брата моего Ярослава,
съ черниговьскими былями,
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ топчакы,
и съ реугы,
и съ ольберы.

Тии бо бес щитовъ, съ засапожники
кликомъ плѣкы побѣждають,
звонячи въ прадѣдную славу.

Нѣ рекосте: «Мужаимѣся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами подѣлимъ!»

А чи диво ся, братие, стару помолодити?

Коли соколь въ мытехъ бываетъ,
высоко птиць възбиваетъ:

не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

Нѣ се зло — княже ми непособие:
наниче ся години обратиша.

Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
а Володимиръ подъ ранами.

Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великий княже Всеволоде!

Не мыслию ти прелетѣти издалеча
отня злата стола поблюсти?

Ты бо можеша Волгу веслы раскропити,
а Донъ шелома выльяти!

Аже бы ты былъ,
то была бы чага по ногатъ,
а кощей по резанъ.
Ты бо можеша посуху
живыми шерешеры стрѣляти —
удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!
Не ваю ли вои
злачеными шеломы по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина
рыкають, акы тури,
ранены саблями калеными
на полѣ незнаемъ?
Вступита, господина, въ злата стремя
за обиду сего времени,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

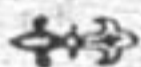
Галички Осмомыслѣ Ярославе!
Высоко сѣдиши
на своемъ златокованнѣмъ столѣ,
подперъ горы Угорскыи
своими желѣзными плѣки,
заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрезъ облакы,
суды ряда до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стрѣляеши съ отня злата стола
сальтани за землями.
Стрѣляй, господине; Кончака,
поганого кощей,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
 Храбрая мысль носить вашъ умъ на дѣло.
 Высоко плаваеши на дѣло въ буести,
 яко соколь на вѣтрехъ ширяся,
 хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
 Суть бо у ваю желѣзныи паробци
 подъ шеломы латиньскими.
 Тѣми тресну земля,
 и многы страны —
 Хинова,
 Литва,
 Ятвязи,
 Деремела,
 и половци сулицы своя повръгоша,
 а главы своя подклониша
 подъ тыи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю,
 утрѣпѣ солицю свѣтъ,
 а древо не бологомъ листовие срони:
 по Рси и по Сули гради подѣлиша.
 А Игорева храбраго плѣку не крѣсити!
 Донъ ти, княже, кличетъ
 и зоветъ князи на побѣду.
 Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань...

Инъгварь и Всеволодъ,
 и вси три Мстиславичи,
 не худа гиѣзда шестокрилци!
 Не побѣдными жребии
 собѣ власти расхытисте!
 Кое ваши златыи шеломы
 и сулицы ляцкыи
 и щиты?
 Загородите полю ворота
 своими острыми стрѣлами
 за землю Рускую,
 за раны Игоревы,
 буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течеть сребреными струями
 къ граду Переяславлю,
 и Двина болотомъ течеть
 онымъ грознымъ полочаномъ
 подъ кликомъ поганыхъ.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
 позвони своими острыми мечи
 о шеломы литовскыя,
 притрепа славу дѣду своему Всеславу,
 а самъ подъ чрълеными щиты
 на кровавъ травѣ
 притрепанъ литовскыи мечи
 и с хотию на кров,
 а тѣи рекъ:

«Дружину твою, княже,
 птицъ крилы приодъ,
 а звѣри кровь полизаша».

Не бысть ту брата Брячяслава,
 ни другаго — Всеволода.

Единъ же изрони жемчюжну душу
 изъ храбра тѣла
 чресъ злато ожереліе.

Уныли голоси,
 пониче веселіе,
 трубы трубятъ городеньскіи!

Ярославлі вси внуце и Всеславлі!
 Уже понизите стязи свои,
 вонзите свои мечи вережени.
 Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
 Вы бо своими крамолами
 начясте наводити поганыя
 на землю Рускую,
 на жизнь Всеславлю.
 Котóрою бо бѣше насиліе
 отъ земли Половѣцкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни
 връже Всеславъ жребий
 о дѣвицю себѣ любу.
 Тѣй клюками подпръ ся о кони
 и скочи къ граду Киеву
 и дотчеся стружиемъ
 злата стола киевскаго.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
 въ пльночи изъ Бѣлаграда,
 обѣсися синѣ мьглѣ утрѣже вазни,
 с три кусы отвори врата Новуграду,
 разшибе славу Ярославу,
 скочи влькомъ
 до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелють головами,
 молотять чепа харалужными,
 на тоцѣ животъ кладуть,
 вѣють душу отъ тѣла.
 Немизѣ кровави брезѣ
 не бологомъ бяхуть посѣяни —
 посѣяни костями русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
 княземъ грады рядяше,
 а самъ въ ночь влькомъ рыскаше:
 изъ Кыева дорискаше до куръ Тматороканя,
 великому Хрѣсови влькомъ путь прерыскаше.
 Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано
 у Святыя Софеи въ колоколы,
 а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.
 Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ,
 нѣ часто бѣды страдаше.
 Тому вѣщей Боянъ
 и прѣвое припѣвку, смысленый, рече:
 «Ни хытру,
 ни горазду,
 ни птицю горазду
 суда божиа не минути».

О, стонати Руской земли,
 помянувше прѣвую годину
 и прѣвыхъ князей!
 Того стараго Владимира
 нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ:
 сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
 а друзии — Давидовы,
 нѣ розно ся имъ хоботы пашуть.
 Копиа поють!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
 зегзицею незнаема рано кычетъ:
 «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви,
 омочю бибрянъ рукавъ въ Каялъ рѣцъ,
 утру князю кровавыя его раны
 на жестоцъмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ
 въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
 «О вѣтрѣ, вѣтрило!
 Чему, господине, насильно вѣеши?
 Чему мычеша хиновскыя стрѣлки
 на своею нетрудною крилцю
 на моея лады вои?»

Мало ли ти бѣшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти,
 лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
 Чему, господине, мое веселие
 по ковылю развѣя?»

Ярославна рано плачетъ
 Путивлю городу на заборолѣ, аркучи:
 «О Днепре Словетицю!
 Ты пробилъ еси каменныя горы
 сквозѣ землю Половецкую.
 Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави насады
 до плѣку Кобякова.
 Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
 а быхъ не слала къ нему слезъ
 на море рано».

Ярославна рано плачетъ
 въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
 «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!
 Всѣмъ тепло и красно еси:
 чему, господине, простре горячую свою лучю
 на ладѣ вои?
 Въ полѣ безводнѣ жаждую имъ лучи съпряже,
 тугою имъ тули затче?»

Прысну море полунощи,
идуть сморци мъглами.
Игореви князю богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зори.

Игорь спить,

Игорь бдить,

Игорь мыслию поля мѣритъ

отъ великаго Дону до малаго Донца.

Комонь въ полуночи Овлурь свисну за рѣкою:

велить князю разумѣти:

князю Игорю не быть!

Кликну,

стукну земля,

въшумѣ трава,

вежи ся половецкии подвизашася.

А Игорь князь поскочи

горнастаемъ къ тростию

и бѣлымъ гоголемъ на воду.

Въврѣжеся на брѣзь комонь
и скочи съ него бусымъ влъкомъ.
И потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подъ мъглами,
избивая гуси и лебеди

завтроку,

и обѣду,

и ужинѣ.

Коли Игорь соколомъ полетѣ,

тогда Влурь влъкомъ потече,

труся собою студеную росу:

претръгоста бо своя брѣзая комоня.

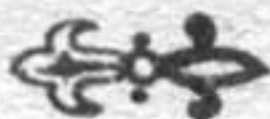
Донецъ рече:

«Княже Игорю!

Не мало ти величия,

а Кончаку нелюбия,

а Руской земли веселиа».

Игорь рече:
 «О Донче!
 не мало ти величия,
 лелѣявшу князя на влѣнахъ,
 стлавшу ему зелѣну траву
 на своихъ сребреныхъ брезѣхъ,
 одѣвавшу его теплыми мѣглами
 подъ сѣнию зелену древу;
 стрежаше его гоголемъ на водѣ,
 чайцами на струяхъ,
 чрънядьми на ветрѣхъ».
 Не тако ти, рече, рѣка Стugna:
 худу струю имѣя,
 пожрѣши чужи ручьи и стругы,
 рострена къ устью,
 уношу князю Ростиславу затвори.

Днѣпръ темнѣ березѣ
 плачется мати Ростиславля
 по уноши князи Ростиславѣ.
 Уныша цвѣты жалобою,
 и древо с тугою къ земли прѣклонилось.

А не сорокы втроскоташа —
 на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ с Кончакомъ.
 Тогда врани не граахуть,
 галици помлѣкоша,
 сорокы не троскоташа,
 полозие ползаша только.
 Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
 соловии веселыми пѣсньми
 свѣтъ повѣдають.

Млѣвить Гзакъ Кончакови:
 «Аже соколь къ гнѣзду летить,
 соколича рострѣляевѣ
 своими злаченными стрѣлами».

Рече Кончакъ ко Гзѣ:
«Аже соколъ къ гнѣзду летить,
а вѣ соколца опутаевѣ
красною девицею».

И рече Гзакъ къ Кончакови:
«Аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дѣвице,
то почнуть наю птици бити
въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына,
Святъславля пѣснотворца
старого времени Ярославля,
Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло ти тѣлу кромѣ головы» —
Руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтитъ на небесь, —
Игорь князь въ Руской земли;
дѣвицы поють на Дунаи, —
выются голоси чрезъ море до Киева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
къ святѣй богородици Пирогошей.
Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:

«Слава Игорю Святъславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганья плъки!

Княземъ слава а дружинѣ!
Аминь.

**ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
ВНУКА ОЛЕГОВА**

ПЕРЕВОД

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревои,
Игоря Святославича?

Пусть начнется же песнь эта
по былинам нашего времени,
а не по замышлению Бояна.
Боян же вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

Вспоминал он, как говорил,
первых времен усобицы.

Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
какую лебедь настигали,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редэю пред полками касóжскими,
красному Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей напускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих
тьмою прикрытых.
И сказал Игорь-князь
дружине своей:
«О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть,
сядем же, братья,
на борзых коней
да посмотрим хоть
на синий Дон».

Ум князя уступил
желанию,
и охота отведать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.
«Хочу, — сказал, — копьё преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.

Так бы пришлось внуку Велеса
 воспеть песнь Игорю:
 «Не буря соколов занесла
 через поля широкие —
 стаи галок бегут
 к Дону великому».
 Или так бы начать тебе петь,
 вещий Боян,
 Велесов внук:
 «Кони ржут за Сулой —
 звенит слава в Киеве;
 трубы трубят в Новгороде —
 стоят стяги в Путивле!»

И

горь ждет милого брата Всеволода.
 И сказал ему буй тур Всеволод:
 «Один брат,
 один свет светлый —
 ты, Игорь!
 Оба мы — Святославичи!
 Седлай же, брат,
 своих борзых коней,
 а мои-то готовы,
 оседланы у Курска еще раньше.
 А мои-то куряне — опытные воины:
 под трубами повиты,
 под шлемами взлелеяны,
 с конца копья вскормлены,
 пути им ведомы,
 овраги им знаемы,
 луки у них натянуты,
 колчаны отворены,
 сабли изострены;
 сами скачут, как серые волки в поле,
 ища себе чести, а князю славы».

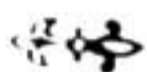
Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
взбился див —
кличет на вершине дерева,
велит прислушаться — земле неизвестной,

Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,

и тебе, Тмутороканский идол!

И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому:
кричат телеги в полночи,
словно лебеди распущенные.

А Игорь к Дону воинов ведет!

Уже несчастий его подстерегают птицы
по дубам;
волки грозу поднимают
по оврагам;
орлы клетком на кости зверей зовут;
лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червлеными щитами перегородили
ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу
 потоптали они поганые полки половецкие
 и, рассыпавшись стрелами по полю,
 помчали красных девушек половецких,
 а с ними золото,
 и паволоки,
 и дорогие оксамиты.
 Покрывалами,
 и плащами,
 и кожухами

стали мосты мостить по болотам
 и по топким местам,
 и всякими узорочьями половецкими.
 Червлен стяг,
 белая хоругвь,
 червлена чёлка,
 серебряно древко —
 храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
 Далеко залетело!
 Не было оно в обиду порождено
 ни соколу,
 ни кречету,
 ни тебе, черный ворон,
 поганый половец!

Гзак бежит серым волком,
 а Кончак ему путь указывает к Дону великому.
 На другой день спозаранок
 кровавые зори свет возвещают;
 черные тучи с моря идут,
 хотят прикрыть четыре солнца,
 а в них трепещут синие молнии.
 Быть грому великому,
 Пойти дождю стрелами с Дона великого!
 Тут копьям изломиться,
 тут саблям побиться
 о шлемы половецкие
 на реке на Каяле,
 у Дона великого!

О Русская земля! уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.

Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,
стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,

и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь ты в самом бою,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,

своим златым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.

Рассечены саблями калеными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!

Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь,
и богатство,

и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой, желанной прекрасной Глебовны
свычай и обычай?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы;
были походы Олеговы,
Олега Святославича.

Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.

Вступал в золотое стремя в городе Тмуторокане,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела
и на Канину зеленое погребальное покрывало постлала
храброму и молодому князю
за обиду Олега.

С той же Каялы Святополк повелел отца своего привезти
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.

Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Даждьбожа внука;
в княжеских крамолах сокращались жизни людские.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны гра́яли,
трупы между собой деля,
а галки свою речь говорили,
собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копыа булатные
в поле незнаемом,
среди земли Половецкой.
Черная земля под копытами костьми была засеяна
и кровью полита:
горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит —
издалека рано до зари?
Игорь полки заворачивает,
ибо жаль ему милого брата Всеволода.

Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина не достало;
тут пир закончили храбрые русичи:
сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.

Никнет трава от жалости,
а дерево с горем к земле приклонилось.

Уже вель, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Дажьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
всплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона;
плеская, прогнала времена обилия.
Борьба князей против поганых прекратилась,
ибо сказал брат брату:

«Это мое, и то мое же».

И стали князья про малое
«это великое» говорить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, — к морю!
Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Карна, и Желя
поскакала по Русской земле,
огонь мыкая в пламенном роге.

Жены русские восплакались, приговаривая:
«Уже нам своих милых лад
ни мыслию не смыслить,
ни думою не сдумать,
ни глазами не повидать,
а золота и серебра совсем не потрогать».

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная потекла посреди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
с победами нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке от двора.

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их —
Святослав грозный великий киевский —
грозою:

прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.

А поганого Кобяка от лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь исторг:
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.

Тут немцы и венецианцы,
тут греки и чехи
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы — реки половецкой,
просыпав русского золота.

Тут Игорь-князь пересел из седла золотого
в седло рабское.
Приуныли у городов забрапы,
а веселие поникло.

Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.

«Этой ночью с вечера одевали меня, — говорит, —
черным покрывалом
на кровати тисовой;

черпали мне синее вино,
с горем смешанное;

сыпали мне из пустых колчанов поганых иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.

Уже доски без князька
в моем тереме златоверхом.

Всю ночь с вечера

серые вороны граяли у Плесеньска,
в предградье стоял лес Кияни,
и понеслись они, вороны, к синему морю».

И сказали бояре князю:

«Уже, князь, горе ум полонило;
это ведь два сокола слетели

с отчего престола золотого
добыть города Тмутороканя
или испить шлемом Дона.

Уже соколам крыльца подсекли
сабли поганых,

а самих опутали
в путы железные».

Темно было в третий день:

два солнца померкли,

оба багряные столба погасли,

и с ними два молодых месяца —

Олег и Святослав —

тьмою заволоклись

и в море погрузились,

и великую смелость возбудили в хиновах.

На реке на Каяле тьма свет покрыла —

по Русской земле простерлись половцы,

точно выводок гепардов.

Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.

И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом,
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.

А мы уже, дружина, без веселья!
Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,

со слезами смешанное,
и сказал:

«О мои дети, Игорьь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
мечами обиду творить,
а себе славы искать.

Но нечестно вы одолели,
нечестно кровь поганую пролили.

Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы
и в смелости закалены.

Что же сотворили вы моей серебряной седине?

Не вижу уже власти
сильного,
и богатого,
и обильного воинами

брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татра́нами,
и с шельби́рами,
и с топчакáми,
и с реву́гами,
и с ольбе́рами.

Те ведь без щитов, с засапожными ножами
кликком полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.

Но сказали вы: «Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!»

А разве дивно, братья, старому помолодеть?

Когда сокол линяет,
высоко птиц взбивает:
не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло — князья мне не помогают:
худо времена обернулись.
Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
а Владимир под ранами.
Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!
Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека
отчий золотой стол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вылить!
Если бы ты был здесь,
то была бы раба по ногате,
а раб по резани.
Ты ведь можешь посуху
живыми копьями стрелять —
удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
золочеными шлемами по крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
рыкает, как туры,
раненные саблями калеными
на поле неизвестном?

Вступите же, господа, в золотые стремяна
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
 Высоко сидишь ты
 на своем златокованом престоле,
 подпер горы Венгерские
 своими железными полками,
 заступив королю путь,
 затворив Дунаю ворота,
 меча тяжести через облака,
 суды ряда до Дуная.
 Грозы твои по землям текут,
 отворяешь Киеву ворота,
 стреляешь с отчего золотого престола
 салтанов за землями.
 Стреляй же, господин, в Кончака,
 поганого раба,
 за землю Русскую,
 за раны Игоревы,
 буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав!
 Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг.
 Высоко взмываешь на подвиг в отваге,
 точно сокол на ветрах паря,
 стремясь птицу храбро одолеть.

Есть ведь у вас железные молодцы
 под шлемами латинскими.
 От них дрогнула земля,
 и многие страны —
 Хинова,
 Литва,
 Ятвяги,
 Деремела,
 и половцы копья свои повергли,
 а головы свои подклонили
 под те мечи булатные.

Но уже, о князь Игорь,
померк солнца свет,
а дерево не к добру листву сронило:
по Рóси и по Сулѣ города поделили.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князья, подоспели на брань...

Ингварь и Всеволод,
и все три Мстиславича,
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
расхитили вы себе владения!
Где же ваши золотые шлемы
и копья польские
и щиты?

Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями
для города Переяславля,
и Двина болотом течет
для тех грозных полочан
под кликом поганых.
Один только Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами
о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,
а сам под червлеными щитами
на кровавой траве
был прибит литовскими мечами
на кровь со своим любимцем,
а тот и сказал:

«Дружину твою, князь,
крылья птиц придели,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячислава,
ни другого — Всеволода.

Так в одиночестве изронил он жемчужную душу
из храброго тела
через золотое ожерелье.

Приуныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские!

Ярослава все внуки и Всеслава!

Склоните стяги свои,
Вложите в ножны свои мечи поврежденные,
ибо лишились вы славы дедов.

Вы ведь своими крамолами начали наводить поганых
на землю Русскую,
на богатства Всеслава.

Из-за усобицы ведь настало насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.

Он хитростями оперся на коней
и скакнул к городу Киеву
и коснулся древком

золотого престола киевского.

Скакнул от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл он счастье,
в три удара отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярославу,
скакнул волком

до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.

У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны —
посеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил,
 князьям города рядил,
 а сам в ночи волком рыскал:
 из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя,
 великому Хорсу волком путь перерыскивал.
 Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано
 у святой Софии в колокола,
 а он в Киеве звон тот слышал.
 Хоть и вещая душа у него в храбром теле,
 но часто от бед страдал.
 Ему вещий Боян

давно припевку, разумный, сказал:

«Ни хитрому,
 ни умелому,
 ни птице умелой
 суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле,
 вспоминая первые времена
 и первых князей!
 Того старого Владимира
 нельзя было пригвоздить к горам киевским:
 теперь же встали стяги Рюриковы,
 а другие — Давыдовы,
 но врозь у них полотнища развеваются.
 Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится,
 кукушкой безвестною рано кукует:
 «Полечу, — говорит, — кукушкой по Дунаю,
 омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
 утра князю кровавые его раны
 на могучем его теле».

Ярославна рано плачет
 в Путивле на забрале, приговаривая:
 «О ветер, ветрило!

Зачем, господин, веешь ты навстречу?

Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих легких крыльицах
на воинов моего милого?

Разве мало тебе было под облаками веять,
лелея корабли на синем море?

Зачем, господин, мое веселье
по ковылю ты развеял?»

Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале, приговаривая:

«О Днепр Словутич!

Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.

Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.

Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слез
на море рано».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:

«Светлое и трижды светлое солнце!

Всем ты тепло и прекрасно:

зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?

В поле безводном жаждою им луки скрутило,
горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полуночи,
идут смерчи тучами.

Игорю-князю бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему золотому столу.

Погазли вечером зори.

Игорь спит,

Игорь бдит,

Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.

Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуместь:
князю Игорю не быть в плену!
Кликнула,
стукнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.

А Игорь-князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.

И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.

Коли Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
стряхивая собою студеную росу:
оба ведь надорвали своих борзых коней.

Донец говорит:
«О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия».
Игорь говорит:
«О Донец!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чёрнядами на ветрах».

Не такова-то, говорит он, река Стugna:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.

Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось.

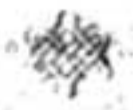
То не сороки застрекотали —
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы ползали.

Дятлы стуком путь кажут к реке
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколенка
своими золочеными стрелами».

Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,
То опутаем мы соколенка
красною девицей».

И сказал Гзак Кончаку:
 «Если его опутаем красной девицей,
 не будет у нас ни соколенка,
 ни красной девицы,
 и станут нас птицы бить
 в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
 Святославовы песнотворцы
 старого времени Ярослава,
 Олега-князя любимцы:
 «Тяжко голове без плеч,
 беда телу без головы» —
 так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе, —
 а Игорь-князь в Русской земле;
 девицы поют на Дунае, —
 вьются голоса их через море до Киева.
 Игорь едет по Боричеву
 ко святой богородице Пирогощей.
 Села рады, грады веселы.

Певши песнь старым князьям,
 потом и молодым петь:

«Слава Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан
против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.

